

УДК 930.25:069.425

Ф. Н. Веселов

РОЛЬ ДОЭКСПЕРТНОГО ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКА В МУЗЕЙНОЙ АТРИБУЦИИ ЮВЕЛИРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ конца XIX – начала XX в.

Экспертиза музейного памятника строится на двухуровневом исследовании: искусствоведческой атрибуции и технико-технологической экспертизе, которые позволяют во многом определить место происхождения и время создания предмета. Однако не всегда даже многоуровневая экспертиза помогает определить подлинность артефакта, поэтому важными являются также и так называемые доэкспертные исследования, одним из которых является источниковедческое, заключающееся в отслеживании, на основании сохранившихся документов, возникновения и бытования предмета музейного значения, что позволяет подтвердить, либо опровергнуть выводы искусствоведческого и технико-технологического анализа.

Особенно актуален данный вид исследований при экспертизе ювелирных изделий рубежа XIX – XX вв., когда русские мастера достигли небывалого до той поры по уровню качества изделий, что определило их популярность и в то время и сейчас¹. А спрос на какой-либо вид изделий является стимулом для увеличения количества подделок данного вида. Это и обуславливает обращение в данной статье к вопросам документального исследования ювелирных произведений конца XIX – начала XX вв.

Именно в конце XIX в. дотоле небольшие мастерские ювелирного дела вырастали в фабрики с большим количеством рабочих и значительной механизацией труда, превращаясь постепенно в фирмы, акционерные общества, торговые дома и торгово-промышленные товарищества, занимавшиеся не только изготовлением ювелирных изделий, но и их сбытом². Естественно, проследить документально деятельность фирмы проще, чем искать материалы по отдельно работавшему мастеру, и это позволяет надеяться на то, что в центральных и местных архивах бывших ювелирных центров производства сохранились документы, которые могли бы помочь проследить хотя бы временные рамки существования фирм, а, следовательно, подтвердить или опровергнуть экспертизу произведения, на котором стоят клейма той или иной фирмы.

Без сомнения, изучение документации самих фабрик, то есть бухгалтерских книг и книг заказов, могло бы сыграть известную роль при атрибуции того или иного предмета, созданного из драгоценного металла, и, следовательно, заклеянного. Зная из архивных данных, когда был произведен тот или иной предмет, возможно определить подлинность предмета на документальном уровне, или, по крайней мере, подтвердить дату его создания, в соответствии со стоящими на ювелирном изделии клеймами.

Но, к сожалению, часть бухгалтерской документации уничтожалась в соответствии со сроками хранения еще в период деятельности фирм, другая часть пропала во время революционных событий и последовавшей за ними национализацией производства. Впрочем, крупные фирмы публиковали специальные каталоги исполненной продукции,

¹ Скурлов В. В., Смородинова Г. Фаберже и русские придворные ювелиры. М., 2001. С. 39-40.

² Павлова И. А. Серебряная утварь московских фирм конца XIX – начала XX веков // Москва в начале XX века. М., 1997. С. 271.

как массовой, так и заказной, при этом, так как произведения расположены в каталогах погодично и с представленными фотографиями, такие каталоги также предоставляют возможность упростить атрибуцию предмета. В качестве примера можно привести «Сборник работ церковной и гражданской утвари, исполненной товариществом Оловянишникова П. И. Сыновья в 1901 – 1910 годах»³. И, к примеру, на одной из представленных в сборнике фотографий запечатлен драгоценный иконный оклад, до мельчайших деталей совпадающий с экспонатом из фондов Государственного музея истории религии (Инв. № А-3755-IV). Это оклад к иконе Св. мученицы Нины, заказанный для великой княжны Татьяны Николаевны⁴, и датируемый, согласно клеймам московского городского пробирного управления – после 1908 г. Нахождение же оклада в упомянутом каталоге уточняет датировку до 1908 – 1910 гг. и подтверждает создание подобного оклада именно фирмой Оловянишникова П. И. Сыновья, клейма которой стоят на упомянутом произведении.

Однако записи о заказах могли быть не только у исполнителя, но и у самого заказчика. В этом смысле весьма примечательны архивы Министерства Императорского Двора, где сохранились записи о заказах крупным фабрикантам. Так, например, известны даты исполнения заказов фабрикой Овчинникова: создание серебряного оклада к иконе Святителей Петра, Алексия и Ионы Московских в 1899 г., оклада для иконы Божией Матери Казанской в 1891 г., оклада для иконы Святого Николая Чудотворца в 1901 г.⁵ Той же фирме Овчинникова поступал заказ на создание драгоценной церковной утвари специально для домового храма великого князя Владимира Александровича⁶, то есть фирмой были созданы не только целые литургические наборы, но и ризы к иконам, оклад к напрестольному Евангелию, иная необходимая церковная утварь, и, без сомнения, все предметы были выдержаны в едином стиле.

Кроме того, известны даты исполнения подобных заказов на серебряные иконные оклады фабриками Сазикова и Верховцева. Так, фирме Сазикова в 1869 г. было выплачено вознаграждение за изготовление драгоценного оклада к образу Спасителя⁷. Документально известны три заказа фирме Верховцева, за которые также были выплачены соответствующие деньги, а, значит, заказы были исполнены: изготовленный им драгоценный оклад к иконе Тихвинской Божией Матери в 1835 г., переделанный оклад к иконе Успения Богородицы в 1852 г. и оклад к иконе Спаса Нерукотворного, подаренной великому князю Олегу Николаевичу в 1855 г.⁸

Однако, как упоминалось выше, важность представляют не только документы, связанные с моментом создания памятника, но и с историей его бытования, историей его появления и сохранения в музейной коллекции. В этой связи обращают на себя внимание две замечательные иконы в серебряных окладах, хранящиеся в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи. Документально косвенным свидетельством

³ Религиозное искусство. Сборник работ церковной и гражданской утвари, исполненной Т-вом П. И. Оловянишникова и Сыновья. М., 1911.

⁴ Там же. С. 35. Точно такая же история заказа упоминаемого оклада приводится и в каталоге серебряной утвари Государственного музея истории религии. (См.: Павлова И. А. Серебряная кладовая музея истории религии. СПб., 2004. С. 26.)

⁵ Российский государственный исторический архив (Далее – РГИА). Ф. 468. Оп. 13. Д. 216; Ф. 472. Оп. 4. Д. 87; Ф. 468. Оп. 14. Д. 340.

⁶ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 960.

⁷ РГИА. Ф. 472. Оп. 36. Д. 249.

⁸ РГИА. Ф. 815. Оп. 16. Д. 1075; Ф. 1088. Оп. 1. Д. 889; Ф. 472. Оп. 9. Д. 3.

подлинности первого из двух памятников – образа Архангела Михаила в серебряной золоченой раме (ВИМАИВиВС, инв. № 17/263) – является упоминание о подношении данного подарка в материалах по празднованию 200-летнего юбилея Кексгольмского полка⁹. Рама к иконе была создана фирмой Николая Гавриловича Владимировича¹⁰, при этом и даты существования фирмы, и прекрасно читаемое на раме клеймо государственного пробирного управления города Санкт-Петербурга за 1908 – 1917 гг., совпадают с датой празднования упомянутого выше юбилея – 29 июня 1910 г. Второе произведение, также поступившее из музея Лейб-гвардии Кексгольмского полка, представляет собой образ Спаса Нерукотворного в серебряном окладе (ВИМАИВиВС, инв. № 17/264), и также связано с юбилейной для полка датой. В дальнейшем история обоих памятников прослеживается по актам архива ВИМАИВиВС. Так, косвенно произведения упоминаются в актах осмотра содержимого тридцати двух ящиков, принятых 13 февраля 1918 г. от заведующего хозяйственной частью полка¹¹: в одном из ящиков при осмотре в ноябре 1918 г. упоминаются девять икон¹². Конечно, сложно достоверно определить была ли данная икона среди означенных девяти, однако более иконы не упоминаются ни в одном из вскрытых ящиков. Позднее, на основании именно коллекций полковых музеев был создан так никогда и не ставший полноценным музеем Военно-исторический бытовой музей. Однако, именно благодаря расформированию этого музея и передаче его фондов Артиллерийскому музею, впервые точно отслеживается история образа, как музейного экспоната: в 1938 г. была проведена инвентаризация переданных предметов культа по номенклатуре 17, в которую было занесено всего 340 предметов, среди которых встречаются номера 17/263 и 17/264¹³. Далее, на истории памятников отражаются и трагические события середины XX в.: иконы в драгоценных окладах упоминается в документах, связанных с эвакуацией фонда ценностей музея в Новосибирск во время Великой Отечественной войны. Дело в том, что в описи сундука «предметы культа» стоят те же инвентарные номера 17/263 и 17/264¹⁴, сохранившиеся за памятниками и поныне. Таким образом, даже предполагая, что точно документальная история памятников прослеживается только с 1938 г., нет никаких оснований сомневаться в их подлинности: вряд ли кому бы то ни было в Советском Союзе 1930-х гг. могла прийти в голову мысль подделывать памятные культовые произведения, да еще и созданные менее чем за двадцать лет до того.

Впрочем, сведения о создании и бытовании памятников могут содержаться не только в архивных документах. Так, очень подробное описание драгоценного оклада, возложенного к чудотворной иконе Костромской Богородицы, дается в отдельном оттиске «Известий по Казанской епархии» за 1901 г. «Риза серебряная позолоченная чеканная; особенно рельефно выделяется одеяние Богомладенца – белоснежная его срачица и венец над главою Богородицы весь из орнаментов голубой и синей эмали. Размер ризы 14,5 и 11,5 вершков, вес – 8,5 фунтов, стоимость – около 500 рублей. Вся риза сооружена на добротные пожертвования золотыми и серебряными вещами и деньгами. Вещи все перелиты

⁹ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Далее – Архив ВИМАИВиВС). Ф. 52. Оп. 110/36. Д. 2. Л. 4.

¹⁰ Иванов А. Н. Мастера золотого и серебряного дела в России (1600 – 1926). М., 2002. Т. 1. С. 178.

¹¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 140/2. Д. 12. Л. 3.

¹² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 140/2. Д. 1. Л. 192.

¹³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 9. Д. 45. Л. 84.

¹⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 9. Д. 54. Л. 13.

и пошли всецело на ризу, также и дорогие украшения: крупные аметисты, изумруды, хризолиты, жемчуг вперемешку с бурмитскими зернами, осыпанными кругом бриллиантами-розочками. Риза работы Т-го Дома Масленникова-Баженова в Москве»¹⁵. Нужно обратить внимание, что данный источник дает не только дату исполнения заказа, точные данные по размерам, техникам исполнения, материалам и весу оклада, но и, что важно, название фирмы, исполнивший произведение – Торговый дом Масленникова-Баженова в Москве. И, надо сказать, данный документ уточняет введенное в научный оборот время существования фирмы: данный торговый дом упоминается лишь в труде А. Н. Иванова «Мастера золотого и серебряного дела в России (1600 – 1926)», где значится, что фирма известна только на 1898 г.¹⁶ Приведенная же выше статья за 1901 г. расширяет время существования фирмы, по крайней мере на три года.

Таким образом, кроме источников, непосредственно касающихся отдельных заказов на ювелирные произведения, важность также представляют архивные документы, косвенно касающиеся фабрик, но при этом проливающие свет на важные страницы истории последних. К примеру, это архивные фонды городских управлений, в которых хранятся ведомости о состоянии различных заводов и производств, а также документы об их осмотрах, которые периодически проводились различными государственными комиссиями пожарного, санитарного или технического надзора. Такие источники дают сведения не только касательно численности рабочих на фабриках, их производственной выработки и оборудования, но, прежде всего, точные данные об их существовании на тот или иной год. При всех возможных бюрократических хитростях или банальных неувязках и халатностях, которые, надо сказать, строго карались, комиссия не стала бы осматривать закрывшуюся фабрику, а если таковая и закрывалась, то в городскую управу вместе с отказом к осмотру предоставлялись сведения, когда фабрика была закрыта и по каким причинам.

Так, например, согласно данным, приводимым М. М. Постниковой-Лосевой в книге «Указатель русских клейм на изделиях из драгоценных металлов XVII – XX вв.», которая на сегодняшний день является чуть ли не основной при атрибуции клейм на металле в большинстве государственных и частных музейных коллекций, фабрика С. Верховцева в 1881 г. насчитывала 42 рабочих и вырабатывала, в основном, церковной утвари на 113 000 рублей. При этом в работе отсутствует точная дата закрытия фабрики¹⁷. Однако, согласно документам об осмотре фабрики серебряных изделий С. Верховцева в 1882 г., количество рабочих сократилось уже в два раза: до 22 человек, а еще через год после осмотра, летом 1883 г. здание, в котором располагалась фабрика, было закрыто на ремонт, производство приостановлено, а сам дом, в котором располагалась фабрика, перешел во владение другого человека¹⁸. Таким образом, вещи, атрибутируемые как созданные фирмой С. Верховцева после 1883 г., должны вызывать известные сомнения в своей подлинности.

¹⁵ Храмовый праздник в честь и славу чудотворной иконы Костромской Федоровской Божией Матери и возложение на сию икону новой серебропозлащенной украшенной драгоценными камнями ризы 14 марта 1901 года. Казань, 1901. С. 10-11.

¹⁶ Иванов А. Н. Мастера золотого и серебряного дела в России (1600 – 1926). Т. 1. С. 398.

¹⁷ Постникова-Лосева М. М. Указатель русских клейм на изделиях из драгоценных металлов XVII – XX вв. М., 1992. С. 185.

¹⁸ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (Далее – ЦГИА СПб). Ф. 338. Оп. 1. Д. 73. Л. 3-8.

То же можно сказать и по поводу фабрики купца Ивана Алексеева. Фабрика упоминается лишь в книге «Мастера золотого и серебряного дела в России. 1600 – 1926» А. Н. Иванова, но информация об Алексееве в ней довольно скудна и не содержит точных дат существования фирмы¹⁹. Однако в деле об осмотре фабрики серебряных изделий купца Алексеева говорится, что свидетельство И. Алексеев получил в 1859 г. Но по прошествии двадцати шести лет, в 1885 г., вследствие отсутствия заказов, а значит, падения производства и продаж, пришлось сократить количество рабочих с 16 до 5, само производство было постепенно приостановлено, и завершались лишь заказы прошлых лет. Уже в 1886 г. фабрику планировалось продавать, и она, действительно, была продана²⁰. Таким образом, период существования серебряного производства купца Ивана Алексеева в Санкт-Петербурге ограничивается 1859 – 1886 гг.

С другой стороны, сохранившиеся документы городских управ не всегда отражают точные даты существования фабрик и фирм. Так, документы об осмотре фабрики серебряных изделий Сазикова не содержат свидетельства об открытии, зато отмеченное количество рабочих, масштабы здания, которое фабрика занимала целиком, и прекрасные условия работы мастеров и подмастерий говорят о том, что фирма в 1885 г. была, если и не на пике своего развития, то весьма преуспевала²¹. Подобные же, говорящие лишь о преуспеваемости фирмы сведения, содержатся в ведомости о состоянии производства серебряных изделий братьев Грачевых, на котором в 1898 г. трудились 115 человек, и вырабатывалось изделий на более чем 70 000 рублей в год. Для сравнения стоит упомянуть, что все золотые и серебряные заводы в Санкт-Петербурге в год вырабатывали только около 700 000 рублей, по данным на 1890 г.²²

Кроме документов городских служб, можно обратиться к документации региональных обществ заводчиков и фабрикантов. Так, согласно страховым свидетельствам «Застрахованных от огня в Российском взаимно страховом союзе», товарищество «Оловянишникова П. И. сыновья» было застраховано в 1912 г. на более чем 780 000 рублей, что говорит не только о том, что фирма продолжала выпускать ювелирные изделия, но и была в этот период, опять же, весьма и весьма успешна.

Однако архивные документы помогают не только отследить деятельность фирм, их оборудование и успешность в тот или иной период, но и дают важную информацию, связанную с клеймением. Все изделия из драгоценных металлов должны были перед поступлением на продажу проходить через государственные пробирные учреждения, названия которых со временем менялись, и важные данные о видах, правилах установки клейм, а также количестве прошедших через пробирные учреждения товаров дают связанные с ними документы. Так, например, важными являются документы, связанные с разработками новых пробирных уставов, в которых отражаются виды и формы государственных клейм, правила их установки, правила регистрации мастеров. Например, согласно документам, посвященным пробирным палаткам за 1882 г., каждый мастер должен был быть обязательно зарегистрирован в особой алфавитной книге и имел в графе регистрации собственный изображенный именной определенно содержания и размеров, который не

¹⁹ Иванов А. Н. Мастера золотого и серебряного дела в России (1600 – 1926). Т. 1. С. 61.

²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 338. Оп. 1. Д. 304. Л. 6-7.

²¹ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 1. Д. 31.

²² РГИА. Ф. 20. Оп. 12. Д. 255. Л. 154.

мог быть изменен в течение года, до следующей регистрации²³. И даже если мы не имеем в распоряжении алфавитных книг регистрации с рисунками из пробирных учреждений, это означает, что в один и тот же год клеймо мастера может быть только одного вида, в противном случае, какое-то из клейм будет являться фальшивым. Выявить какое – позволяет создание масштабных баз данных с включением в них всех изделий из драгоценных металлов со всеми возможными вариантами клейм для глубокого сравнительного анализа.

К важным сведениям стоит также отнести сведения о количестве пробиреров в пробирных центрах. Так, в 1886 г. в деле «О составлении нового положения о пробирных палатках для испытания и клеймения золота и серебра» упоминается, что в Санкт-Петербурге одновременно может быть не более двух пробиреров, в Москве – не более трех²⁴. В 1894 г. количество пробиреров в Санкт-Петербурге возросло до трех, а имена пробиреров московского пробирного учреждения приводятся в отчетах о деятельности пробирных учреждений за 1894 – 1895 гг. – это Н. С. Арцыбашев, К. А. Олекс и К. А. Скворонский²⁵. Таким образом, появляется еще одно документальное подтверждение тем или иным известным ныне пробирным клеймам, с выбитыми на них именниками пробиреров за данный период. В качестве примера использования документов, связанных с пробирным уставом, можно привести раму к иконе Св. Николая Чудотворца из музея Истории религии (ГМИР, инв. № А-3739-IV). Согласно дарственной надписи, образ был подарен императору Николаю II 65-м пехотным Московским полком 8.05.1908, однако именно в 1908 г. были приняты новые правила клеймения драгоценных изделий с изменившейся формой государственного клейма, которое как раз и стоит на раме. Избавляют от сомнений в данном случае точные данные о принятии новых правил – 26.03.1908 г.²⁶ Таким образом, можно предположить, что рама была в числе первых произведений, заклеянных новыми клеймами.

Документы, связанные с пробирными учреждениями, предоставляют также и статистические данные о масштабах производства серебряных изделий в общем, и, как пример отдельных изделий, иконных окладов в частности. Так, можно рассмотреть отчетные документы Костромской пробирной палатки отдельно за 1894 и 1895 гг., в которых говорится о соответственно 134 и 165 заклеянных серебряных иконных ризах и венцах в год²⁷. Кроме того, в таких документах содержатся и прочие статистические данные, связанные с количеством ювелирных фирм и фабрик по губерниям и в определенные годы, их показатели выработки и реализованной продукции, а также по весу заклеянных слитков чистых драгоценных металлов и их сплавов и проч. Однако такая информация уже куда более специфична и скорее относится к определенной отрасли истории предпринимательства и промышленности в Российской империи, поэтому мы не будем обращаться к ее отдельному рассмотрению, хотя возможно, некоторые результаты таких исследований, например, узаконенные лигатуры в сплавах серебра, могли бы быть полезны и в экспертизе ювелирных изделий того времени.

Таким образом, введение доэкспертного уровня исследования музейного предмета, основанного на изучении архивных документов, посвященных конкретным выполнен-

²³ РГИА. Ф. 37. Оп. 24. Д. 3. Л. 132.

²⁴ Там же. Л. 94.

²⁵ Там же.

²⁶ Иванов А. Н. Пробирное дело в России (1700 – 1946). М., 2002. С. 348.

²⁷ РГИА. Ф. 23. Оп. 6. Д. 9. Л. 154.

ным заказам на ювелирные произведения, документов, касающихся бытования объектов в музейных коллекциях, а также документов, непосредственно посвященных деятельности ювелирных фирм и мастеров, является весьма важным при исследовании и атрибуции памятника. Появляется возможность проследить существование музейного объекта, начиная от его создания конкретными ювелирными фирмами, точные годы существования которых могут помочь избежать ошибки при атрибуции фальшивых клейм. Для изучения истории бытования памятника до включения его в музейную коллекцию – дарения памятника, или заказа его для конкретных, не связанных с дарением целей – важны документы со стороны заказчика и косвенные свидетельства прессы о крупномасштабных событиях и праздниках. И, наконец, для отслеживания истории памятника в музейной коллекции, вплоть до нынешнего времени, особую важность представляют документы музейных архивов.

Проведенное таким образом тщательное исследование данного предмета, даже на этапе доэкспертного изучения, создает известные предпосылки для первичных выводов о подлинности объекта, свойстве, без сомнения, важном для музейного памятника.

Информация о статье

Автор: Веселов Федор Никитович – ассистент, Россия, Санкт-Петербургский государственный университет, veselovfedor@gmail.com

Заглавие: Роль доэкспертного документального исследования памятника в музейной атрибуции ювелирных произведений конца XIX – начала XX в.

Абстракт: Статья посвящена документальному методу исследования музейных памятников, заключающемуся в отслеживании, на основании сохранившихся документов, возникновения и бытования предмета музейного значения, что позволяет подтвердить, либо опровергнуть выводы искусствоведческого и технико-технологического анализа. На основании приводимых в статье примеров, показывается важность введения при атрибуции и исследовании памятника представляемого метода – доэкспертного уровня исследования музейного предмета, основанного на изучении архивных документов. Обосновывается возможность проследить на его основании существование музейного объекта, начиная от его создания конкретными ювелирными фирмами, точные годы существования которых могут помочь избежать ошибки при атрибуции фальшивых клейм. Изучить бытование до появления в музейной коллекции – дарение памятника, или заказ для конкретных, не связанных с дарением целей – в данном случае важны документы со стороны заказчика и косвенные свидетельства прессы о крупномасштабных событиях и праздниках. И, наконец, отследить историю памятника в музейной коллекции, вплоть до нынешнего времени – этап на котором особую важность представляют документы музейных архивов.

Ключевые слова: анализ, музейный предмет, экспертиза.

Information on article

Author: Veselov Fedor Nikitovitch – Assistant, Russia, Saint-Petersburg State University, veselovfedor@gmail.com

Title: Documentary analyses of the museum objects in the attribution of the Russian jewelry of the end XIX – the beginning XX century.

Abstract: The documentary method is based on the analyses of still existing archive documents which could describe the production and being of the artifact. Such researches could confirm or demolish findings of the art critical and technical-technological analyses. Basing on the examined, using this method, museum jewelry objects, it could be concluded that the documentary analyses should be important in the museum expert examination of the artifacts. Using it we can retrace the process of artifact being, beginning from its producing by a certain jewelry firm, research its existing before the including it to the museum collection – in this case of a very importance are documents, linked to the ordering customer of the product. And finely retrace its being in the museum funds till nowadays.

Key words: analyses, museum object, expert examination.